

Кучкина Ольга

19.06.02

Прикосновение луча

Ольга Кучкина. "Високосный век". "Слово". М., 2002.

В тот день, когда пришла пора писать статью о стихах Ольги Кучкиной, в тот день, когда мне осталось дочитать последние стихи, вошедшие в книгу "Високосный век", вдруг неожиданно я услышала в моем сердце словно бы прикосновение луча. Не солнечного, не лунного, а духовного, не имеющего названия на земном языке, слышного, конечно же, как всякое дыхание духа любви.

В этот день я закрыла книгу "Високосный век", наполненную тем же почти неразличимым духовным дыханием.

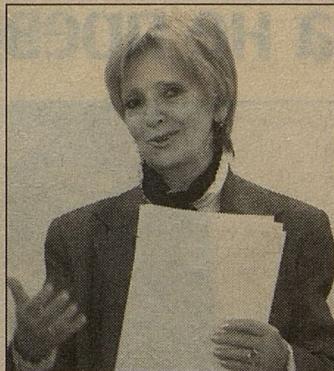
"Високосный век" – век поэта, он наполнен приметами времени и чувствами: весельем, печалью, бедой, любовью. К кому? К какому-то персонажу? Нет. Любовью к слову, исполненному смысла, выражающему драму и радость бытия. Но для того, чтобы выразить драму и любовь, нужна особая поэтика, в которой и господствует смысл, будь в стихотворении всего четыре строки или в десять раз больше. Смысл и форма сливаются в этом случае воедино.

Почему **високосный век**? Мы знаем, что високосные годы отличаются от обычных тем, что февраль в них длится чуть больше, чем в не високосных. Бытует мнение, что високосный год сулит несчастье. А високосный век? Конечно же, это образ, символ некой полноты, насыщенности существования в его различных ракурсах, где пережитые боль и утраты влияют на восприятия жизни.

Ольга Кучкина, драматург, прозаик, публицист, стихи начала писать не так давно. Она поэт посткоммунистической России. Стихи ее боятся декларативности, риторики, восхвалений и прочих атрибутов поэзии доперестроичного времени торжества социализма. Ее лучшие вещи вызваны желанием постичь и выразить сложность причин и следствий живого, внешнего и внутреннего. При этом у нее легкий стих. Она вошла в поэзию, отколовшись от культуры подмен, так распространенной в нашей стране. Опьянение поэзии и стало результатом поисков смысла иного бытия. Что там – за завесой дня и ночи, что движет мной и тобой и где скрыта суть всего? Что же, значит, это философская лирика? – могут спросить меня. Да, многие стихи, привезенные поэтом для того чтобы прикоснуться к смыслу явлений, к отблескам, вызванным духовным и душевным знаком проживания, при надлежат к философской лирике.

В промоинах

Созвездье Гончих Псов,
в пробоинах убойная улыбка,
сдвигается заржаленный засов,
и высечена небом жизнь-ошибка...



Ольга Кучкина бежит от банальностей. Вот ее "Пейзаж посткоммунизма":

Полудрема-полукома-полузона
полусонно
кулаками подпирает,
вытирает из пыли,
есть закон и нет закона,
что резонно – нерезонно,
беспримерно, беспризорно
жизнь вальяется в пыли.
Итак, "жизнь вальяется в пыли", а поэт, между тем, "каждый день беседует с пространством":
Я задаю вопросы, и ответы
пространны. И они престранны,
и простого – нету.
Теперь твержу
с упрямым постоянством,
что жизнь моя мной
до смерти любима,
и то, что я в ней постояльцем,
сейчас и мимо, меня смущает.
Мне в ответ молчанье...

Стихи 1994 года. Стихи 90-х годов начинается книга. Время новой России, время вольности, раскованности. Мысль поэта касается, казалось бы, извечных тем: разлука, смерть, печаль, отчаяние. Но рядом с этим возникает чувство **иного** бытия – мимолетное, но драгоценное, а вместе с ним рождается желание познать стихом – что там, проникнуть куда нельзя, однако стихи могут стать неким инструментом, вскрывающим сущностное. "Беседовать с пространством" необходимо для поэта, если он стремится проникнуть за завесу.

Читая стихи 90-х, понимаешь, что российская почти бескровная революция августа 1991 года разомкнула мертвое пространство, и "пролились отворенные слезы". В этих стихах чувство времени автора раскрылось с наибольшей полнотой. Пространство разомкнулось, и в нем открылась новая реальность – Бог и сотворенный Им мир, который никому не удастся похитить.

Однако, как оказалось, еще не пришло время праздновать победу.

Человеку, будь он поэтом или бухгалтером, не дано всегда быть победителем пространства, сотворенно-

го Богом. Христос сказал: "В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь; Я победил мир" (Ин, 16, 33).

Ольга Кучкина пишет о духовной победе:

Но дух переводит себя через время,
берет на себя предыдущее бремя...
А когда бремя отирается, место
его занимает другое: радость любви.
Он меня любит. Простейшая вещь.
И отворяется огненна пещь,
птица дымится и куст опален
с неопалимо-купинных времен.
Он меня любит. Кончается век,
Век погорельцев, усталых калек.
Из-под опущенных с нежностью век
выхну, как Стиксом бредет человек.
Любовь врывается в жизнь поэзии,
но поэзия верна себе, своему
мироощущению. Не поэт, а стихи его
первичны – поэт лишь записывает
их. Так записывали все истинные
поэты.

"Опьянение Божественным присутствием", о котором говорил афонский старец Иосиф Исихаст, не постоянно. Это – дар. Дар пребывания в ином духовном пространстве, оно и вызывает к душе поэта, словно требует его открыться. И здесь нужна особая работа – сосредоточенность для познания вечного блага жизни. Это прочитывается в стихах Ольги Кучкиной, как прочитывалось в стихах Бориса Пастернака, поэтическая приверженность автора которому несомненна.

Книга Ольги Кучкиной дала возможность сказать Владимиру Корнилову, узнавшему ее поэзию: "Она пришла и перевернула все мои представления о поэзии. Я думаю, что каждый поэт, если он настоящий, приходит и переворачивает наши представления. Если он не переворачивает, он во втором или третьем ряду".

...На творческом вечере в Доме архитектора зал замер, слушая, как Ольга читала стихи. Похвальные речи были не нужны, книги "Високосного века" быстро разошлись. А через несколько дней было написано новое стихотворение:

Пронеси эту чашу
с довольствием мимо меня,
пронеси эту чашу с довольствием
куда как подальше,
я откажу прошу от любимой
разновидности фальши,
похвальбы и пальбы вхолостую,
без дрожи огня.

Роковая удача –
и прыгает сердце, как мяч,
и захочется разум за ум
от дурного блаженства,
я прошу не отнять
осознания несовершенства
и – как дара – пройти мимо
сътых никчемных удач.

Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА